
САЛОН В.П. МЕЩЕРСКОГО: НЕФОРМАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ПРОТЕЖИРОВАНИЕ В ЧИНОВНОМ МИРЕ РОССИИ РУБЕЖА XIX—XX ВВ.*

М.М. Леонов

Самарский муниципальный институт управления
ул. Стара-Загора, 96, Самара, Россия, 443084

В статье на материалах салона В.П. Мещерского исследуется феномен патроната и механизмы протежирования в салонной культуре русского дворянства рубежа XIX—XX вв. Автор приходит к заключению, что салон В.П. Мещерского функционировал как локальная сеть, в центре которой находился посредник. Двери гостиной были открыты для чиновников и представителей образованного общества. При поддержке салона многие посетители сумели добиться карьерного роста и различных привилегий.

Деятнадцатый век считают эпохой расцвета петербургских салонов. Интеллектуалы, деятели искусств и представители функциональной элиты регулярно посещали респектабельные гостиные. Их привлекал не только совместный досуг: дружеские связи, возникавшие в непринужденной обстановке салонного общения, нередко пригождались в жизни. Поддержка, обретенная в салоне, сыграла решающую роль в карьерах ряда крупных государственных деятелей России.

Традиция систематического изучения салонов в отечественной историографии восходит к двадцатым годам прошлого столетия, хотя разрозненные попытки исследования конкретных объединений предпринимались и прежде. Как правило, авторы делали акцент на «отношении кружков и салонов к литературной эволюции» (1). В послевоенный период аристократические гостиные попали в поле зрения ученых, писавших о традициях и быте русского дворянства, а также историков русской литературы и общественной мысли. Тем не менее, салонные связи, салонное протежирование, как и салонная культура в целом, оставались малоизученными, что дало право немецкому историку Л. Хэфнеру констатировать в 2000 году: «в российских исторических исследованиях салонной культуре не уделяется никакого внимания» (2). С начала нового века ситуация стала меняться: в свет вышло несколько работ, затрагивающих различные сюжеты из жизни столичных салонов (3).

В данной статье речь пойдет об одном из наиболее влиятельных столичных салонов рубежа веков, — салоне князя В.П. Мещерского. Хозяин гостиной не занимал постов на государственной службе, однако содействовал карьерному росту многих своих гостей, выступая в роли посредника. Хотя салон был ориентирован, прежде всего, на функциональную элиту, князь Мещерский не пренебрегал и простыми смертными, поэтому среди его клиентов встречались чиновники невысокого ранга.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №06-01-00445а.

Предметом изучения в данной статье станут отношения, связывавшие князя Мещерского и его гостей. Опираясь на корреспонденцию, дневники и мемуары современников в работе будет предпринята попытка рассмотреть мотивы посещения салона, характер взаимоотношений хозяина и гостей, потенциальные выгоды и риски сторон. Это позволит сделать вывод о роли неформальных связей в жизни представителей русской бюрократии, входивших в орбиту салона В.П. Мещерского.

В зарубежной историографии сложилась долгая традиция изучения неформальных связей и посредничества в общественной жизни, в том числе на разных уровнях государственной службы (4). Социальные историки и антропологи исследовали эти явления в рамках концепции патроната (5). В отечественной историографии эта проблематика не пользовалась популярностью до 90-х годов прошлого века (6), оставаясь, по преимуществу, в сфере интересов зарубежной русистики (7).

Князь Мещерский был широко известен как издатель консервативной газеты «Гражданин» и как лицо, пользовавшееся симпатиями Александра III и Николая II. Он неоднократно менял место жительства в Петербурге, поэтому его собрания проводились по разным адресам. Так, в 60-е гг. он проживал в доме Карамзина на Большой Морской, а в начале 70-х приглашал гостей на Невский проспект, в дом номер 77, квартиру 8. В конце 80-х «среды» проходили в его квартире на Мойке (8). В 1892 г. князь приобрел в собственность дом в Гродненском переулке. Вскоре этот адрес стал прочно ассоциироваться с его салоном.

Здание № 27-6, стоявшее по Спасской улице и Гродненскому переулку, до наших дней не сохранилось. Тем не менее, важные сведения о доме содержатся в деле правления Санкт-Петербургского городского кредитного общества (9). Строеение, выходящее на Гродненский переулок, состояло из каменного лицевого трехэтажного дома и флигеля; со временем был надстроен четвертый этаж. Внутренний двор был разделен на две части, причем перехода между ними не существовало. Площадь лицевых зданий составляла 216 квадратных саженей, флигелей — 214 (приблизительно 1950 кв. м) (10). Князь Мещерский расположился в восьми комнатах, в его апартаменты вел собственный подъезд. Гостиная легко вмещала несколько десятков человек, что было крайне важно, поскольку у князя традиционно собиралось «довольно многочисленное общество» (11). В начале XX в. в доме был проведен телефон (12) и построен одноместный лифт.

По традиции, встречи у князя Мещерского проходили по средам. В приемные дни гости могли оставаться в салоне до полуночи, и даже далеко за полночь. Собравшиеся обсуждали актуальные политические вопросы, играли в карты, делились впечатлениями о новинках литературы. Впрочем, большинство гостей привлекал не совместный досуг, а возможность решения частных вопросов. Деликатные темы было неловко обсуждать в шумной гостиной; для этих целей существовал кабинет хозяина. Здесь, вдали от посторонних глаз, велись деловые беседы и устанавливались связи между посредником и его новоиспеченными клиентами.

На «средах» часто появлялись приезжие из регионов. При помощи салона целый ряд провинциальных деятелей получил назначение в Петербург, и наоборот, некоторые столичные чиновники сделали карьеру на периферии. Иллюстрацией этого тезиса может послужить история офицера лейб-казацкого полка Д.И. Засядко. В 1888 г. Мещерский попросил члена совета министра финансов Д.Ф. Кобеко принять «руководительное и наставительное участие» в судьбе протеже (13). Со временем Засядко получил место управляющего казенной палатой в Полоцке (14). Спустя несколько лет должность управляющего была использована как трамплин для дальнейшего роста. В начале XX в. Мещерский ходатайствовал перед В.К. Плеве о назначении Засядко на место председателя губернской земской управы в Твери: «...он был бы идеальным председателем, ибо имеет все качества нужные: он обладает большим тактом, выдержкою, он спокоен, любезен, приветлив, очень деятелен, отличный работник и добросовестен. С ним будет успех делу» (15). Рекомендация Мещерского сработала и в этот раз. Назначение состоялось, однако на новом посту «идеальный председатель» пробыл недолго. Засядко ожидал очередной карьерный взлет: в 1904 г. он стал самарским губернатором.

Как видно из этого случая, в руках Мещерского были сконцентрированы серьезные ресурсы, позволявшие ему эффективно действовать на позиции посредника. Продвижение Засядко стало возможным благодаря обширным связям с правительственными чиновниками, посещавшими салон. Это дает право рассматривать салонное общество как неформальную сеть со сложной структурой. Среди участников собраний можно выделить «патронов» и «клиентов». Разумеется, такое разделение условно. Надо оговориться, что статус не присваивался человеку раз навсегда; одно и то же лицо в разных ситуациях могло обладать разными статусами. Так, С.Ю. Витте накануне своего карьерного взлета начал посещать «среды», являясь на первых порах «в длиннополом, неуклюжем сюртуке провинциала» (16). Добившись при посредстве Мещерского назначения на министерский пост, Витте приобрел статус «патрона», и в течение многих лет поддерживал контакты с хозяином салона, выслушивая его бесчисленные просьбы и выполняя многие из них. Связи посредника с патронами и клиентами принято обозначать как «каналы коммуникации» (17). Открытый канал коммуникации подразумевал готовность к сотрудничеству и оказанию услуг. Совокупность каналов коммуникации образовывала индивидуальную сеть посредника. Чем большим числом связей обладал посредник, тем проще ему было осуществлять свои операции.

Сотрудничество посредника с клиентом начиналось с фазы представления. Личное знакомство давало потенциальному клиенту возможность заявить о себе и обнаружить готовность к сотрудничеству. Расхождения в политических убеждениях не служили непреодолимым препятствием для сближения. Князь Мещерский принимал у себя не только консерваторов, но также либералов, и даже лиц, имевших в прошлом связи с революционерами, — в том случае, если эти лица в последние годы начали демонстрировать лояльность к существующему режиму.

Однажды его кабинет посетил В.И. Ковалевский, стремившийся к высокой должности в министерстве финансов. В свое время Ковалевский был обвинен в укрывательстве С.Г. Нечаева и заключен в Петропавловскую крепость; этот эпизод в его биографии пагубно влиял на карьерные перспективы. Тем не менее, в ходе частной беседы Мещерский нашел, что «хотя В.И. Ковалевский несомненно либерал, но столь же несомненно, что он не красный либерал», не станет ради «либеральных увлечений» рисковать своей карьерой и может принести известную пользу (18).

Если фаза представления и установления контакта проходила благополучно, то посредник мог обнадежить просителя и начать борьбу за его интересы. Как правило, Мещерский обращался с устными или письменными просьбами к лицу, от которого зависело принятие решений, хотя порой в дело шли публикации «Гражданина», воспевавшие достоинства кандидата. Так, после беседы с В.И. Ковалевским князь Мещерский сообщил о своих впечатлениях Александру III, и вскоре Ковалевский получил назначение директором департамента торговли и мануфактур.

Стоит заметить, что Мещерский не требовал оплаты своих услуг деньгами. Получение от клиентов денежных сумм означало бы, что клиент «расплатился» и больше ничего не должен; следовательно, посредник терял канал коммуникации и становился слабее. Свои финансовые проблемы хозяин салона решал за счет влиятельных связей, открывавших доступ к субсидиям, sineкурам, размещению выгодных казенных заказов в его типографии и казенных объявлений в «Гражданине». Поэтому после достижения цели клиент, как правило, продолжал отношения со своим благодетелем. Так поступил и В.И. Ковалевский, в течение ряда лет посещавший «среды» и оказывавший посреднику ответные услуги. Даже рядовые клиенты, не занимавшие высоких должностей, могли приносить посильную пользу. Мещерский нуждался в рекламе, в распространении молвы о своем «влиянии» ради приращения символического капитала и вовлечения в индивидуальную сеть новых патронов и клиентов. Любая история о волшебной протекции, открывшей запертые прежде двери, могла благотворно сказаться на кредите посредника.

Из крупных правительственных чиновников в разные годы к салону были близки И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте, А.К. Кривошеин, В.К. Плеве, Н.А. Маклаков, П.Л. Барк и др. Молва связывала их карьерный рост с «влиянием» Мещерского. Пожалуй, было бы наивно рассматривать хлопоты посредника как единственную причину столь важных назначений, однако несомненно, что его содействие порой оказывалось кстати. Так, накануне возвышения И.А. Вышнеградского в «Гражданине» была проведена кампания в его поддержку, а после убийства Д.С. Сипягина Мещерский писал императору с предложением назначить министром В.К. Плеве. Чем было обусловлено высочайшее внимание к рекомендациям Мещерского? С одной стороны, определенную роль могли сыграть личные симпатии императоров, которыми Мещерский пользовался в известные периоды своей жизни. С другой стороны, нельзя упустить из виду, что даже в годы рас-

цвета отношений с Александром III и Николаем II князь получал аудиенции при дворе лишь время от времени, зато регулярно отправлял монархам письма, дневники и номера «Гражданина», информируя их о настроениях общества. Иными словами, он предстал не только частным лицом, связанным узами дружбы с монархом, но и выразителем мнения определенных общественных сил, группировавшихся вокруг его салона. Последнее обстоятельство придавало несомненный вес его советам.

Посредник, по возможности, стремился общаться «по душам» с посещавшими его сановниками. С.Ю. Витте запросто приезжал к нему на дачу, Д.С. Сипягин перешел на «ты», В.К. Плеве чутко отзывался на просьбы и «всем его ублажал» (19). Случалось, что патроны появлялись в общей гостиной в приемный день, однако по большому счету они предпочитали беседы с посредником тет-а-тет, в непринужденной обстановке дружеского обеда. Мещерский практиковал обмен визитами: есть сведения, что каждый понедельник он обедал у Витте, и каждую пятницу Витте обедал у него (20). Их переписка не скупилась на сердечный тон и пылкие признания и обладала специфическими признаками романтической дружбы. По мнению Кона, «язык романтической дружбы, с ее повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, практически неотличим от любовного языка» (21). Письма наглядно подтверждают этот тезис: Мещерский «всей душой полюбил» С.Ю. Витте, признавался в «прочной любви» к В.К. Плеве и называл Д.С. Сипягина «главным интересом» своей жизни (22).

Вкрадчивые письма князя Мещерского проливают свет на его стратегию установления психологического контакта с корреспондентом. Он легко перешагивал через барьер официальности, настраивая тем самым на атмосферу доверия. Это хорошо видно на примере переписки с С.Ю. Витте: если формальные письма к посторонним лицам заканчивались шаблонами «Ваш покорный слуга князь Мещерский», «Кн. В. Мещерский» и т.п., то послания к Витте сопровождала дружеская подпись в духе: «Ваш В.М.», «Ваш всегда», «Сердечно Ваш В. Мещерский». Примечательно, что при подчеркнуто близких и равных в целом отношениях Мещерский охотно льстил Витте. Он без обиняков писал об уникальности министра, его гении и бескорыстных трудах на благо России. «Скажу с благоговением к Вашей деятельности, что по сочетанию в одном лице гениального творчества с каторгой чернорабочего и борца — второго Витте не запомню», — славословил Мещерский (23). Согласно его уверениям, если бы у России была еще «пара Витте», страна развивалась бы семимильными шагами.

Отмечалось, что самоотверженный труд и успехи Витте вызвали к жизни множество завистников и врагов. Мещерский видел Витте «окруженного врагами и мнимыми друзьями», «непонятым одними, обманываемым другими, травмированным третьими» (24). Отнюдь не всегда «враги» назывались поименно; как правило, эксплуатировался собирательный образ. Зато о целях «врагов» говорилось прямо: «врагам России и Государя нужно прежде всего Вас обессилить» (25). Наперекор «врагам» издатель «Гражданина» действовал в интересах «моего старого Витте» и предлагал себя в качестве лоцмана, способного указать пра-

вильный путь в мутной воде российской политики. Пожалуй, было бы опрометчиво принимать за чистую монету заверения Мещерского в том, что он пошел в советчики лишь ради Витте и «всецело думая» о нем. Витте не заблуждался на этот счет; во всяком случае, в мемуарах он заочно обвинял Мещерского в умении «подделываться». Объяснение декларациям дружбы и бескорыстной помощи надо искать, по-видимому, в том, что они делали общение более комфортным: вмешательство посредника в служебные дела министра, оформленное как забота о судьбе последнего, не выглядело оскорбительным.

Пользуясь плодами «дружбы», посредник мог расширять свою личную сеть, подыскивая в ведомстве «друга» места для протезе. Мещерский объяснял свои протекции стремлением подыскать для Витте надежных и верных сотрудников. Так, расхваливая своего «духовного сына» И.И. Кольшко, князь подчеркивал: «Он достоин Вашего сердечного внимания, ибо он один из немногих глубоко и правдиво преданных Вам людей и в то же время хороший и честный человек» (26). Как консерватор, Мещерский мог бы указать и на другие достоинства протезе, будь то патриотизм, верность долгу или охранительные убеждения, однако в деле борьбы за «сердечное внимание» Витте ставка была сделана именно на личную преданность. Витте прислушался к его словам, и Кольшко получил место чиновника особых поручений в министерстве путей сообщения.

Развивая отношения в доверительном формате, Мещерский охотно рассуждал о душевном мире своих корреспондентов. Он находил, что в Витте уживались два разных существа: «духовный человек» и функционер, исполняющий предписанную роль. Огромные возможности министра вели к обольщению властью и доминированию второй ипостаси над первой: «решительно все, что Вы выигрываете в славе и в успехе (...) как государственный человек, гнетет Вас как духовного человека, гложет Вас и жжет и потачивает в Вас жизнь человека» (27). Мещерский считал себя союзником «духовного человека», иначе говоря, отводил себе место во внутреннем мире Витте, потаенном от тех, кто соприкасался с ним по службе. Издатель «Гражданина» утверждал, что «официальный мир» полон «гадости и подлости людей», которые своим «духовным ядом» разрушают «духовный организм»; в отличие от прочих он стремится лишь к бескорыстной роли «душевного собеседника» и надеется, что Витте оценит в нем друга (28).

Общение в схожем ключе Мещерский практиковал и с другими корреспондентами, например, с Д.С. Сипягиным. Сипягин приходился ему родственником, однако, когда Мещерский обращался к нему на «ты», он апеллировал скорее к дружеским чувствам, чем кровному родству. В письме 1900 г. слышны отголоски знакомых фраз о двух мирах: «духовном» и «общественном». Мещерский сообщал, что в нем «создался культ» к «общественной личности» Сипягина. Интимный настрой, излучаемый письмом Мещерского, гармонично сочетался с признанием, передававшим суть его стремлений: «То, к чему я рвусь, не есть местечко в твоей гостиной, или в твоей столовой, или в твоём кабинете, а тихая усада, когда никого нет, кроме Бога над тобою, и твоего доброго гения при тебе,

находить местечко в твоей душе, чтобы говорить о том, что правдиво и вовремя сказанное, может тебе пригодиться!» (29).

Основываясь на приведенных примерах, здесь будет уместно высказать несколько соображений о способе строительства каналов коммуникации и вербовки союзников. Мещерский умел быстро сойтись с интересным ему человеком, причем их отношения не были равными. По выражению И. Виноградова, они менялись как температура у больного лихорадкой: начинались с обычных, затем подсакивали до возвышенных, а через некоторое время резко шли на спад (30). Действия Мещерского могут быть интерпретированы как нарушение границ индивидуального пространства и вторжение в частную сферу корреспондента. Эта ювелирная операция требовала тонкого чутья, поскольку излишнее давление могло вызвать в собеседнике раздражение и спровоцировать отпор. Сглаживая острые углы и избегая возможных недоразумений, Мещерский делал ставку на пространственные письма, в которых тщательно обосновывал свои тезисы и ссылался на благовидные предлоги, чтобы по возможности минимизировать риск упреков в корыстных намерениях или домогательстве. Так, «культ» Сипягина он объяснял тем, что разглядел в нем «очень ценного слугу Государя и Государства» (31). Оговорки помогали ему сохранять образ борца за государственные интересы, пекущегося не о частных выгодах, а о нуждах страны.

Фокусируя внимание на приемах Мещерского, важно иметь в виду, что «дружба» была немыслима как односторонний процесс. Если один из участников отношений не позволял перейти границы официального общения, «дружба» не клеилась. Следовательно, правительственные чиновники, сблизившиеся с Мещерским так же, как Витте и Сипягин, не были пассивными объектами воздействия, но предпринимали встречные шаги, сигнализирувавшие об их готовности к сотрудничеству. Что же толкало представителей бюрократической элиты в салон?

Рациональным основанием для «дружбы» со стороны чиновников было желание сделать свое нынешнее положение устойчивым, а перспективу карьерного роста — более явной. Неопределенность ситуации заставляла искать поддержки у тех, кто имел возможность влиять на принятие решений. В руках князя Мещерского были ресурсы двух видов. К первому надо отнести «Гражданин». Газета внимательно изучалась при дворе, поэтому ее статьи, как правило, имели резонанс среди целевой аудитории. Вторым и наиболее важным ресурсом в руках посредника были каналы коммуникации с царем и должностными лицами. Манипулируя своими социальными связями, Мещерский мог добиваться впечатляющих результатов. Чем больше влиятельных «друзей» завоевывал князь, тем большую силу он обретал в мире неформальных отношений.

Едва ли целесообразно ставить под сомнение тот факт, что посетители салона, вовлеченные в сделки, заботились, прежде всего, о частной выгоде. Несмотря на это, князь Мещерский заявлял, что посвящает свою жизнь службе России и русскому царю. В своей деятельности он видел заботу об общественном благе, поскольку органы государственного управления испытывали «нехватку людей», а его «среды» собирали немало энергичных и талантливых гостей, из их числа ко-

торых подбирались кандидаты на должности. Таким образом, локальная сеть работала как фильтр, делегируя во власть и продвигая по карьерной лестнице тех, кто, обладая необходимыми знаниями, способностями и убеждениями, в то же время проявлял достаточно гибкости и готовности к сотрудничеству с «друзьями».

Широко известно высказывание С.Ю. Витте о том, что Мещерский «из политики (...) сделал ремесло, которым самым бессовестным образом торгует в свою пользу и в пользу своих фаворитов» (32). Протектирование в салоне было поставлено на поток: посредник осаждал связанных с ним патронов устными и письменными просьбами. Чтобы сгладить неизбежно возникающие при этом неловкости, он нарочито называл свои обращения «надоеданиями», «назойливостью» и т.д. В одной из записок, адресованной В.К. Плеве, Мещерский сообщал: «забыл в увлечении разговором, надоесть Вам, многодорогой Вячеслав Константинович, прилагаемую просьбою. Не откажите дать прощению ход и простите, что беспокою Вас!» (33).

Просьбы поступали не всегда приятные и легкие для исполнения. В 1897 г. Мещерский обратился к Витте по поводу одной крупной должности в Дворянском банке. У Витте был собственный кандидат на это место, и Мещерский старался дискредитировать его, угадывая в нем «душок либерализма» и предрекая, что он «при всем своем знании техники дела будет бездушным человеком». Вслед за этим князь рекомендовал своего клиента, имевшего преимущество в личных качествах: «А рядом есть кандидат более простой, но пари держу, что Вы его не возьмете, Шеншин например, у которого кроме знания дела столько сердца, и столько простой преданности делу и Вам» (34). Обращает на себя внимание часто повторяемая в рекомендательных письмах формула «личной преданности», указывающая на то, что, с точки зрения Мещерского, человеческие достоинства чиновника были не менее значимы, чем его профессиональная пригодность.

Поскольку обращение с просьбами являлось одной из базовых составляющих повседневной практики посредника, он должен был быть подготовлен к различной реакции, в том числе и к отказам. Столкнувшись с явным нежеланием помочь (а то и вовсе знаться с ним), Мещерский не отступал без боя. Напор являлся отличительной чертой его корреспонденции, и многие современники сходились во мнении, что князь был «порядочным нахалом» (35). В 1902 г. он просил министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа об ордене для доктора Левенсона. Граф Ламздорф отказал, однако посредник, без тени смущения, написал ему повторно, воспевая достоинства Левенсона и важность оказанных им услуг. Просьба становилась похожей на требование, когда Мещерский подчеркивал: «я считаю себя в праве убедительно вновь просить Ваше Сиятельство о награждении орденом доктора Левенсона» (36).

Характерно, что Мещерский мог отправить рекомендательное письмо в адрес никак не связанного с ним человека. Такого рода было, например, послание директору императорских театров В.А. Теляковскому с просьбой принять на работу в театр актера Борисоглебского. Извинившись за то, что «не имел чести знать Вас лично», Мещерский отпуская адресату сомнительный комплимент — «Вас

бранят в печати ... значит Вы человек не банальный», — после чего настоятельно рекомендовал взять Борисоглебского в труппу (37). Конечно, рекомендательные письма незнакомым людям имели мало шансов на успех, если только адресаты сами не имели желания познакомиться и сблизиться с Мещерским. Думается, что в последнем случае исполнение просьбы могло вести к завязыванию отношений.

Значительное количество ходатайств Мещерского касалось материальной помощи. С письмами на эту тему он обращался к разным патронам, однако наибольшую пользу локальной сети приносил С.Ю. Витте. На этой почве порой возникали конфликты. В 1895 г. Мещерский в письме к Витте сетовал: «в разговоре с Вами по поводу кредита в Государственном Банке для Миллера, о котором я Вас просил, Вы мне бросили в лицо упрек — 49 т.р. Литвиненко, оказавшихся непроизводительными» (38). Рутинно добываясь кредитов, пособий и пенсий для своих гостей, хозяин салона, в то же время, мог оказать поддержку экзотическим проектам. Как-то раз он убедил С.Ю. Витте выдать одному из клиентов 60 000 руб. на эксперименты по разведению свеклы. Эксперименты провалились, и Витте, «чуть не скрежеща зубами», вспоминал о потраченных впустую деньгах (39).

При всех внешних атрибутах задушевности салонная «дружба» основывалась, скорее, на прагматическом расчете, чем на искренних симпатиях. Есть мнение, что В.К. Плеве на личном уровне воспринимал Мещерского негативно (40). Как известно, в 1903 г. конфликт интересов привел ко враждебности в отношениях Мещерского и Плеве (41). После разрыва дружеских уз Плеве позволял себе высказываться резко: «Мещерский как человек, собственно говоря, дрянь (...) но к его голосу, как выразителю известной партии общества, необходимо прислушиваться» (42).

Скандалным оказался кризис в отношениях с Витте. В годы первой русской революции позиции Витте ослабли, и Мещерский быстро сориентировался в новой ситуации. «Гражданин» сменил милость на гнев: если в прежние годы газета с чувством отзывалась об «умном и восприимчивом министре» (43), то теперь сатирик стал объектом жесткой критики. Такая перемена породила недовольство Витте, на что Мещерский отозвался примечательным письмом: «...будь Вы мой сын, или мой брат, я совершенно также, не переставая любить, беспощадно бранил бы Вас за то, что по моему разумению в Ваших политических действиях я признавал заслуживающим осуждения. (...) У Вас есть дурные и слабые стороны, и у меня: но есть и хорошие: простим друг другу все вины, и вернемся под веянием к добрым отношениям, — с правом как государственного человека Вас бранить сколько угодно» (44).

Итак, смена конъюнктуры могла побудить князя Мещерского целиком или частично перекрыть канал коммуникации с должностным лицом. Однако разрыв отношений был чреват серьезным осложнением: посредник рисковал потерять лицо. Помимо деловых контактов, со старым союзником его связывали моральные обязательства. Мещерскому было попросту невыгодно производить впечатление ненадежного человека, легко раздающего уверения в безграничной преданности

и столь же легко забывающего о них. Приведенную выше цитату можно рассматривать как попытку оправдаться. Как следует из письма, Мещерский «не переставал любить» в министре своего друга; уколы «Гражданина» адресовались исключительно «государственному человеку», взявшему ошибочный курс. Рассуждение имело несомненный привкус демагогии в той части, где призывало вернуться к добрым отношениям и не обращать внимания на брань «Гражданина». Витте не устраивал такой расклад, и адресованное ему предложение смириться с критикой могло вызвать только раздражение. Фактически, лукавое письмо Мещерского передавало очередь хода корреспонденту: шаг к разрыву должен был сделать он. Это позволило бы сохранить кредит посредника и возложить всю вину на Витте. С той поры на страницах «Гражданина» периодически появлялись неприглядные истории из эпохи министерства Витте (45). Витте не остался в долгу, дискредитировав Мещерского в своих воспоминаниях: «старый развратник», «грязный» человек (46). Разрыв переживался тяжело, и это говорит о степени сближения сторон в ту пору, когда отношения находились в зените. «Дружба» пускала глубокие корни.

Подводя итог, следует отметить, что «дружба», связывавшая Мещерского с правительственными чиновниками, при всем многообразии вариаций в каждом конкретном случае, все же имела общие контуры. По большому счету, формат отношений задавался посредником. Перевод взаимодействия в дружескую плоскость позволял успешно преодолевать должностную броню: к министру проще было подступиться как к человеку, нежели официальному лицу. В свою очередь, представители бюрократической верхушки, принимавшие такие правила коммуникации, получали возможность в облегченном режиме, по-приятельски, добиваться желаемого от посредника и связанных с ним людей. «Дружба» предполагала постоянный контакт, как на личном уровне, посредством салонных встреч и переписки, так и на деловом, в виде оказания взаимных услуг.

Салон Мещерского не был единственным в своем роде. Наряду с ним существовал целый ряд кружков и салонов, консолидировавших вокруг себя общественные силы. На рубеже веков общественность все громче заявляла свое мнение на политической арене и открыто выступала инициатором высоких назначений. Князь Мещерский мог искренне полагать, что он заботился о благе страны, служил русскому монарху и подбирал верных кандидатов на должности. Однако нельзя не отметить, что интересы локальной сети порой расходились с интересами государства: тактика опутывания бюрократической верхушки обязательствами личного плана вела к тому, что чиновникам приходилось считаться не только с соображениями служебного долга, но и с мнением «друзей». Кроме того, проводя своего клиента, посредник старался расчистить дорогу и блокировать всех прочих кандидатов, даже если они оказывались более способными людьми. Пробриться на вершины в одиночку в патриархальном мире русской бюрократии конца XIX — начала XX в. было крайне затруднительно. Обстоятельства заставляли чиновников искать поддержки сложившихся группировок и интегрироваться в систему неформальных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Недавно переизданы публикации 20—30-х годов XX века: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. — СПб, 2001; *Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Н.Л. Бродский.* — М., 2001.
- (2) *Хэфнер Л.* «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани. 1860—1914 гг.) // *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья.* — Ульяновск, 2000. — С. 481.
- (3) *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). — СПб., 2007; *Юнгрен А.* Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века. — М., 2006; *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В.П. Мещерский). — СПб, 2004.
- (4) О посредничестве как явлении мировой истории см.: *Boissevain J.* Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. — Oxford, 1987; *Eisenstadt S.N., Roniger L.* Patrons, clients and friends: interpersonal relations and the structure of trust in society. — Cambridge, 1984.
- (5) *Maczak A.* Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zu Gegenwart. — Osnabrueck, 2005; *Patrons and clients in Mediterranean societies / E. Gellner, J. Watersbury,* eds. — London, 1977; *Patronage und Klientel. Ergebnisse einer polnisch-deutschen Konferenz / Н.Н. Nolte, Hgb.* — Koeln-Wien, 1989; *Klientelsysteme im Europa der Fruehen Neuzeit / A. Maczak, Hgb.* — Muenchen, 1988.
- (6) Важным событием стало появление работ М.Н. Афанасьева: *Афанасьев М.Н.* Клиентела в России вчера и сегодня // *Полис.* — 1994. — № 1; *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм: историко-социологический очерк // *Полис.* — 1996. — № 6.
- (7) *Schattenberg S.* Beamte in der Russischen Provinz. Ehre und Patronage im 19. Jahrhundert. Habilitationsschrift. — Berlin, 2006; *Orlovsky D.* Political clientelism in Russia: the historical perspective // *Leadership selection and parton-client relations in the USSR and Yugoslavia.* — London, Boston, Sydney, 1983; *Rancel D.* Character and style of patron-client relations in Russia // *Klientelsysteme im Europa der Fruehen Neuzeit.* — Muenchen, 1988; *Raeff M.* The Russian nobility in the eighteens and nineteenth centuries: trends and comparisons // *The nobility in Russia and Eastern Europe.* — New Haven, 1983; *Hosking G.* Patronage and the Russian state // *Slavonic and East European Review.* — 2000. — № 2; *Bennett H.A.* Evolution of the meanings of chin: an introduction to the Russian institution of rank ordering and niche assignment from the time of Peter the Great's Table of ranks to the Bolshevik revolution // *California Slavic Studies.* — 1977. — Vol. 10.
- (8) *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб., 1999. — С. 46.
- (9) Центральный городской исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). — Ф. 515. — Оп. 1. — Ед. хр. 2866а.
- (10) Там же. — Л. 11.
- (11) *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891—1892. — М.-Л., 1934. — С. 302.
- (12) Телефон упоминается в письмах В.П. Мещерского к В.К. Плеве и С.Ю. Витте. См: В.П. Мещерский — В.К.Плеве, 7 февраля 1904 года. — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 586. — Оп. 1. — Ед. Хр. 904. — Л. 25; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. — СПб., 2003. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 266.
- (13) В.П. Мещерский — Д.Ф. Кобеко, 25 января 1888 года. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). — Ф. 354. — Ед. Хр. 82. — Л. 1.
- (14) *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. — Таллинн; Москва, 1994. — Т. 3. — С. 556.
- (15) В.П. Мещерский — В.К. Плеве, 8 января 1904 года. — ГАРФ. — Ф. 586. — Оп. 1. — Ед. хр. 904. — Л. 24.
- (16) Баян (И.И. Колышко). Ложь Витте. Ящик Пандоры / И.И. Колышко. — Берлин, б/д. — С. 5.

- (17) Определение «канала коммуникации» (communication channel) было дано в известной работе Дж. Бойссвейна. Согласно его взглядам на механизмы социальной манипуляции, посредник (broker) оперирует доступными ему каналами коммуникации, которые и составляют его капитал. Boissevain // J. Op. cit. — P. 158—159.
- (18) Мещерский В.П. Воспоминания. — М., 2001. — С. 657—658.
- (19) Bumte С.Ю. Воспоминания. — Т. 3. — С. 555.
- (20) Korostowetz W. von. Graf Witte. Der Steuermann in der Not. — Berlin, 1929. — S. 71.
- (21) Кон И.С. Дружба. — СПб., 2005. — С. 276, 83—89.
- (22) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 19 мая 1895 года. — Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 450. — Л. 1, 4 об.; В.П. Мещерский — В.К. Плеве, 9 октября 1903 года. — ГАРФ. — Ф. 586. — Оп. 1. — Ед. хр. 904. — Л. 17; В.П. Мещерский — Д.С. Сипягину, 1900 год. — РГИА. — Ф. 721. — Оп. 1. — Ед. хр. 65. — Л. 6.
- (23) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 30 августа 1902 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 434. — Л. 1.
- (24) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 19 мая 1895 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 450. — Л. 2.
- (25) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 2 октября 1901 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 433. — Л. 2.
- (26) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 4 сентября 1906 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 439. — Л. 1.
- (27) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 19 мая 1895 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 450. — Л. 1 об.
- (28) Там же. — Л. 2, 2 об.
- (29) Там же. — Л. 1 об.
- (30) Vinogradoff I. Some Russian imperial letters to prince V.P. Meshchersky (1839—1914) // Oxford Slavonic papers. — Oxford, 1962. — Vol. X. — P. 105.
- (31) В.П. Мещерский — Д.С. Сипягину, 1900 год. — РГИА. — Ф. 721. — Оп. 1. — Ед. хр. 65. — Л. 2 об.
- (32) Bumte С.Ю. Воспоминания. — Т. 3. — С. 562.
- (33) В.П. Мещерский — В.К. Плеве, 21 августа 1903 года. — ГАРФ. — Ф. 586. — Оп. 1. — Ед. Хр. 904. — Л. 15.
- (34) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 9 мая 1897 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 446. — Л. 3.
- (35) Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. — Берлин, б.г. — С. 158—159.
- (36) В.П. Мещерский — В.Н. Ламздорфу, 13 марта 1902 года. — РНБ ОР. — Ф. 124. — Ед. хр. 2789. — Л. 2.
- (37) В.П. Мещерский — В.А. Теляковскому, 11 февраля 1909 года. — Государственный театральный центральный музей им. А.А. Бахрушина (ГТЦМ). — Ф. 280. — Оп. 1. — Ед. хр. 409. — Л. 2—3.
- (38) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте. 19 мая 1895 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 450. — Л. 6 об.
- (39) Мещерский В.П. Воспоминания. — С. 658—659.
- (40) Judge E.M. Plehve. Repression and reform in imperial Russia. 1902—1904. — New York, 1983. — P. 152.
- (41) См. подробнее: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. — Л., 1984. — С. 133.
- (42) Цит. по: Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905—1907 годов // Отечественная история. — М., 1995. — № 6. — С. 103. В свою очередь, Мещерский также критически отзывался о бывшем друге: «Плеве воз-

буждал аппетиты, но не умел оные удовлетворять». В.П. Мещерский — П.Д. Святополк-Мирскому, 1904 год. — ГАРФ. — Ф. 1729. — Оп. 1. — Ед. хр. 1086. — Л. 6.

(43) *Гражданин*. — 1896. — № 34. — С. 13.

(44) В.П. Мещерский — С.Ю. Витте, 4 сентября 1906 года. — РГИА. — Ф. 1622. — Оп. 1. — Ед. хр. 439. — Л. 2 — 2 об.

(45) См. например: *Гражданин*. — 1913. — № 16. — С. 12.

(46) *Vumme С.Ю.* Воспоминания. — Т. 3. — С. 547—551.

**V.P. MESCHERSKY SALON:
INFORMAL RELATIONSHIP AND PATRONAGE
WITHIN THE RUSSIAN BUREAUCRACY WORLD
(END OF 19th — BEGINNING OF 20th CENTURIES)**

M.M. Leonov

Samara Municipal Institute of Management
Stara-Zagora Str., 96, Samara, Russia, 443084

The paper discusses the phenomenon of patron-client relationship and social exchange in Russian noble salons (end of 19th — beginning of 20th centuries). M. Leonov argues that Prince V.P. Meschersky' salon functioned as an exchange network where actors were connected by a broker. There were often held meetings opened for the top bureaucracy and the representatives of the educated society. By means of the salon many visitors could have acquired promotion for top positions, including positions in ministries, as well as different economical privileges.